

В. КОЖЕМАЯКО. Предлагаемая тема беседы, Виктор Сергеевич, может показаться несколько абстрактной. Но попробую как-то обосновать, почему остановился именно на ней. Жизнь человека и общества человеческого, согласитесь, так или иначе складывается в исходном счете из борьбы сил Добра и сил Зла. Верх одерживают то одни, то другие. Ну, может, не в примитивном механическом раскладе, а все же... Так всегда было, так есть и, наверное, будет. Отражение этого мы находим и в философии, и в религии, и в общечеловеческой нравственности. Да и в истории, конечно. Как вы думаете — сегодня какое зло нам угрожает больше всего?

В. РОЗОВ. Честно говоря, многое меня тревожит. Но особенно, пожалуй, беспокоит угроза, нависшая над единством нашего Союза. Это ужасное зло, прямо-таки дьявольское — вспыхивающая национализма, свидетелями которой мы стали. Вспышка и в Прибалтике, и в Закавказье, и на Украине, и в Молдове. Уже говорят, что и Россия должна отделиться от всех. Безумство какое-то! Кто и что от него может выиграть? Кто так злонамеренно развил узконационалистические подлые чувства, вспыхнувшие с эдакой силой?

Нет, национальное самосознание — это, конечно, прекрасно. Однако все мы должны понимать, что нация — это не просто земля и нечто большее — союз людей. Банаально даже напоминать: Европа вся сейчас объединяется, а мы вдруг хотим разделиться?

В. К. Но вы же не станете отрицать, что Союз нам нужен для объединения?

В. Р. Разумеется, не стану. Я всей душой за то, чтобы в каждой республике активнее развивались национальная культура, экономика, черты национального характера. Все это очень хорошо. Но почему это должно рушить Союз? И какая будет от такого разрушения польза народам?

При всем при том, что мы клянем сейчас свое прошлое вдоль и поперек, наизуток и по диагонали, во многом справедливо клянем, надо же признать, что за годы Советской власти все республики очень сильно двинулись вперед. И дружба была отнюдь не только показная. У меня, например, псы шли во всех республиках. Я очень часто ездил на премьеры. И всюду приезжал как к родным. Везде меня одинаково хорошо принимали, в любой республике. А что хорошего даст языковое и культурное разделение, разобщение людей — возврат к распаду Вавилонской башни?

Или представьте вариант военной опасности. Не хотелось бы об этом говорить, но кто знает, что может быть в будущем. Предполагали ли мы, что Саддам Хусейн вдруг совершит такую безумную акцию — проглотит целое государство? Так же в свое время и Гитлер выскочил — как черт из бутылки, быстро и неожиданно. И вот обратите внимание: когда он начал завоевывать Европу, он быстро и Австрию проглотил, и Чехословакию, и такую большую страну, как Франция. Не говоря уже о Бельгии, Голландии, Люксембурге. Почему он их так легко проглотил? Они все были раздельны, и он их по кусочку кушал, как бисквит. А когда напал на нашу страну, то он столкнулся не с отдельными государствами — Белоруссией, Украиной, Грузией, Арменией и так далее, а с монолитом.

Так вот, скажу откровенно, хотя, может, это кому-то и не понравится или покажется совсем наивным: я за монолит в лице обновленной федерации. Пусть Союзный договор сохранит наш Союз именно как монолит — не просто собрание разрозненных элементов, а органическое соединение элементов внутренне близких, как нередко бывает в природе. И потому должно же быть у наших людей чувство общей родины, единого дома. Я, скажем, никогда не забуду, как воевали у нас в батарее ребята самых разных национальностей...

В. К. Проблема, к которой вы обратились, исключительно актуальна. Ну а добро и зло в культуре, в литературе, где вы работаете? Как они здесь себя проявляют?

В. Р. Наша культура — и русская, и многонациональная — всегда отличалась высокой нравственностью. А сейчас на нее полезла безнравственность. Нахраписто, бесцеремонно полезла.

Вот я захватил с собой письмо, которое прислал мне как секретарю правления Союза писателей. Из Саратова. Автор просит, чтобы я публично дал соответствующую оценку пьесе Владимира Сорокина «Пельмени», опубликованной в шестом номере журнала «Искусство кино» за 1990 год. Дескать, легализуется самая настоящая порнография, в данном случае словесная. И что же? Я прочитал эту пьесу и полностью согласен с автором письма. Кстати, радует, что это молодой человек. Подписался: Голяков Алексей, 21 год.

Значит, и некоторых молодых уже возмущает тот разгул, который идет ныне и в театре, и в кино, и в литературе. Для меня же — старый человек — для меня вот это появление грязных, мерзких слов в художественной ткани современных произведений просто больно в сердце отдается.

Вспоминаю в связи с этим, как во время путешествия по Волге в одном из храмов я увидел необычную икону: Богоматерь, а в груди ее вонзаются стрелы. Заинтересовался, потому что никогда раньше такой иконы не видел. А мне объяснили: это Богоматерь Семистрельная. Когда говорят скверные слова, они ей в сердце вонзаются. Вот так.

Я думаю: есть любовь, есть секс, есть эротика, а есть похабщина. Эти похабные слова оскверняют душу, они развращают людей. И лично я всей душой поддерживаю меры нашего Президента, направленные на охрану общественной нравственности. Пользуясь случаем, хочу обратиться ко всем деятелям культуры: не несите похабщину, давайте бороться с этим злом...

В. К. Но ведь многие вполне серьезно считают это важным завоеванием свободы.

В. Р. По-моему, в понятие свободы непременно входит и самоограничение. Иначе получается не свобода, а распускание. А это вещи разные. Распущенным-то быть гораздо легче, нежели свободным.

Часто ссылаются на США: свободная страна, свободный народ. Но я недавно был там в деловой командировке и убедился: вот где дисциплина строгая, вот где законопослушание, вот где порядок. Потому что власть ограничивает поведение своих граждан. Попробуйте, например, поспорить с полицейским...

И люди сдерживают себя перед законом. Что ж, пожалуй, здесь вполне подходит марксовское определение: свобода — осознанная необходимость.

В. К. Добро я непосредственно связываю с добротой: тут, по-моему, недаром общий корень. А как вы относитесь к известному выражению поэта о том, что добро должно быть с кулаками?

В. Р. Иногда должно, а иногда — нет. Я приведу пример из своей личной жизни, настолько ужасный, что мне даже стыдно об этом говорить. Когда я применил кулак. На меня было нападение: ткнули в глаз, правда, попали около глаза, но потекла кровь. Я растерялся: что делать? В это время я держал за руку трехлетнего внука. И пришлось пустить в ход кулаки. Я отбил.

Это вынужденная, можно сказать, крайняя ситуация. Но мне совсем не по душе, когда вруклопашную идут, скажем, на пленуме в Союзе писателей. Вот тут добрее надо быть даже к своему противнику. Цивилизованно вести спор и решать вопросы. Если же ты берешь на вооружение в борьбе с коварным противником его способ, его оружие с кривым ходом, то сам же уподобляешься ему.

Терпение надо бы нам быть друг к другу. Вы знаете, я не раз замечал даже в магазинах. Сейчас ведь все ругают, все ругают. И вот рывкнет какая-то из продавщиц, именно не скажет, а рывкнет — ты же ей вежливо ответишь: извините, я вот вас побеспокоил. И вдруг всё смещается. Моментально смещается. Сколько раз я замечал: когда начинаешь говорить мягко и хорошо, сразу снижается агрессивность с противоположной стороны.

Соседи оказывали всегда взаимное внимание и посильную помощь.

В. К. Откуда же сегодняшняя наша озлобленность и раздражение по отношению друг к другу?

В. Р. Я тоже думаю. Понимаю, что некоторые обстоятельства это вызывают — нехватка товаров, продуктов. Но ведь все этим не объяснишь. И потом — в одинаковых обстоятельствах разные люди ведут себя по-разному. Смотришь, в той же очереди: один стоит и молчит, старается кого-то не толкнуть, а другой так и лезет, локтями пихает да еще ругает всех подряд.

Замечу, что раздраженность эту вызывают, по-моему, не только материальные трудности. А разве не действует тут, например, телевидение, которое без конца показывает заседания Верховного Совета и съезды, где депутаты тоже, прямо скажем, ведут себя не ахти как? Агрессивно крайне, оскорбительно. Кроме того, я ведь не знаю, как лучше провести экономическую реформу или сформулировать какой-то закон, это не моя профессия. И многие другие не знают, и все раздражаются от того, что помочь не могут, а гусей раздразнили.

Нет, нельзя возбуждать так бессмысленно. Чрезмерная замкнутость людей на политике, оказывается, тоже может быть вредна. Как-то я выступал в клубе и говорю: вот вы сейчас все раздражены, все недовольны, так примите мой совет — не читайте газет и журналов, не смотрите телевидение и не слушайте радио, и вам будет лучше. Понятно, это шутка, но, я бы сказал, с долей горькой истины.

В. К. В последнее время люди стали все больше клониться к религии. По вашему мне-

но невыносимо. Но как слушают! И это современная молодежь, которую столько ругают, поливают из всех шлангов, до чего она плохая.

В. К. Значит, не такая уж пропащая молодежь...
В. Р. Нет, я к молодежи в целом хорошо отношусь. Хотя вижу в ней и немало плохого, сознаю, как много у нее трудных проблем. Но доброе, хорошее ей в душу все-таки западает. Стало быть, и надо давать побольше прекрасного, доброго, душу очищающего, а не матерных слов, о которых написал молодой человек из Саратова. Добро, повторюсь, заразительно. А зло, о котором сейчас много пишут и печатают, ставят спектакли и фильмы, оно нередко разрушающее действует на душу человеческую, портит ее.

В. К. Может, и нам, журналистам, в прессе стоило бы больше рассказывать о проявлениях добра? Ведь есть же они в жизни — примеры истинной доброты, самопожертвования, красоты душевной.

В. Р. Безусловно. Только не надо искусственно конструировать подвиги и героев напоказ, как это нередко бывало в старые недобрые времена. На меня, например, всегда производит большее впечатление, когда пишут: прохаживавший мимо человек увидел, что горит дом, а в доме ребенок, и он залез по водосточной трубе и вытащил ребенка. И ушел, даже не сказавши, кто он. Такой случай действительно был, и сейчас подобные случаи бывают. Это настоящие люди. Это золото. Это то добро, без которого мир не может существовать. Как в Евангелии сказано, это соль жизни.

Да. Я приблизительно излагаю: добро есть соль жизни. Без этой соли она портится, и наступает всеобщая смерть. Один мой родственник сказал: «Дядя Витя, это значит соль в качестве консерванта, который не дает жизни прогнуться?» Грубовато, но верно по сути. Как раз в некоторых сегодняшних литературных произведениях, а особенно в статьях, выступлениях с трибуны нет такой соли, нет добра, но есть злоба, есть крайнее раздражение.

В. К. Вспоминается лермонтовская строка: «К добру и злу постыдно равнодушие...» Не считаете ли, что равнодушие — серьезная болезнь, которая порождает и нравственную инфантильность, и даже душевную подлость, а вы сказали?

В. Р. Если говорить о политике, то у нас равнодушных сегодня, пожалуй, нет. Все вовлечены в политические страсти, все до предела политизированы. Не мешало бы, как я уже замечал, и поубавить этих страстей. Зато нравственное состояние человека... Тут многое неблагоприятно именно из-за равнодушия. Иначе откуда же, скажем, брошенные старики, сироты-дети при живых родителях?

В. К. Значит, с еще большей неизбежностью встает вопрос о нравственном воспитании. И о самосовершенствовании в толстовском смысле, что у нас долгое время предавалось остракизму.

В. Р. У меня есть формула: каждый сам себе заведующий. Да, человек сам себя делает прежде всего. Будь внимательным к своим родителям, к детям, к родственникам и друзьям, не делай подлости. Всё есть для того, чтобы ты был порядочным человеком. Всё для этого есть, несмотря на то, что в магазинах ничего нет.

А что человека воспитывает? Хорошие книги, фильмы, спектакли, хорошие выставки и музеи. Но, подчеркну, именно хорошие, когда они пронизаны нравственностью и светом истинного искусства. Которое есть драгоценнейший дар, квинтэссенция жизни. Тут у меня тоже имеется своя теория. Ведь великие наши учителя, художественные гении постигали мир тем шестым чувством, которое называется интуицией, они ощущали его как бы в четвертом измерении. Им озарение было дано, чтобы проникнуть в суть жизни. Об этом и Блок писал, и Ахматова писала, Пушкин, Гёте, Флорбер — каждый по-своему, но все они испытывали это...

И вот к такому проникновению в жизнь приобретаешь через великие книги. Они делают тебя добрее, терпимее и сострадательнее к людям, они делают тебя лучше. Почему я придаю огромное воспитательное значение искусству и особенно книгам? Потому что с книгой ты один на один, как с умным и душевным собеседником. И рад, что очень рано познакомился с книгой и читал, что называется, запоем. И книги, конечно, мою душу формировали, ой, формировали как! Я плакал над книгами, я хохотал, я прыгал от радости и счастья. Но для этого, знаете ли, нужно иметь контакт. Иначе кнопку жмешь, жмешь, а если провода где-то нет, то ничего не зазвенит, ничего не зажжется. Нужен и умный совет при выборе книги. Тут бы, думаю, телевидение и радио могли людям больше помогать, вообще средства информации. А школа? Сейчас же школа нередко привлекает только отвлечение к литературе.

В. К. Нашему обществу очень требуются ныне предприниматели, деловые люди. А не возникнет ли в связи с этим еще более острый дефицит людей нравственных? Вспоминается ваша инсценировка Гончаровской «Обыкновенной истории», сделанная в свое время для «Современника». Разве не злободневны сегодня ее проблемы?

В. Р. Деловитость — хорошее качество. И я бы приветствовал истинно деловых людей у нас. Конечно, чтобы практицизм не превращался в хищничество. Тут действительно заключен серьезный вопрос.

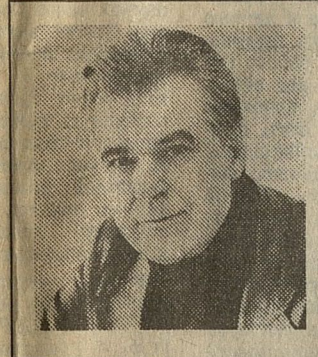
Что же касается «Обыкновенной истории», то это вечная книга. Я уже потом вычитал, что Лев Толстой рекомендовал ее своим детям для воспитательных целей. И не случайно сейчас она в студии Олега Табакова с успехом идет. Проблемы там вечные. Скажем, как разрушается личность, вырождается юношеский идеализм. Я грешным делом не люблю вот таких идеалстов. Пока их товарищи, практические люди, делают карьеру (назовем так), они еще витают в облаках идеализма. Когда же очухиваются, то начинают догонять и переругивать тех, кто нормально ушел вперед. Не гнушаясь уже никакими методами. Нет, этого я не люблю.

В. К. Вы верите, что добро в конце концов возьмет верх над злом?

В. Р. Я верю в то, что жизнь наша нормализуется. Но, думаю, для этого нужно время. И большая работа всех нас. Время, работа и терпение.

Добро и зло

Диалог ведут
писатель Виктор РОЗОВ
и редактор «Правды»
по отделу прессы
и публицистики
Виктор КОЖЕМАЯКО

В. К. Наше общество сейчас, кажется, переполюсовано борьбой. Во всех сферах. Идет и борьба за власть, и борьба разных взглядов на историю, на сегодняшний день, и борьба каких-то экономических концепций, политических взглядов, национальных позиций, нравственных установок... Во всем этом, согласитесь, нелегко бывает не только сорентироваться, но и сохранить человеческое лицо.

В. Р. Теряют многие люди человеческое лицо. До того, что в борьбе, казалось бы, за добро убивают. Убивают и женщин, убивают детей. Вот вам зло, как бы выросшее из добра. И меня еще убеждают: да, но это, Виктор Сергеевич, люди, доведенные до отчаяния! А я ответил: человек, доведенный до отчаяния, убивает себя. Если же он убивает другого, он доведен не до отчаяния, а до остревания.

В. К. Добрый человек, злой человек... В абсолютном, наверное, не бывает. Но все же мы так говорим. Вами прожита долгая жизнь. Каких людей, по вашим наблюдениям, можно было назвать добрыми, а каких — злыми? И каких все-таки больше?

В. Р. Конечно, больше добрых. У меня основная часть книги воспоминаний посвящена добрым людям, которых я встречал на своем жизненном пути. Одна глава так и называется: «Я — счастливый человек». А счастливый потому, что всегда, в самые тяжелые моменты жизни встречал добрых людей.

Вот лежал я в госпитале, очень тяжело раненный, умирающий, с гангреной до пояса. Врач, который положил меня на операционный стол, сказал: вам отнимут ногу выше колена. Когда же я очнулся в палате, то увидел, что нога в громадном гипсе, но целая. И я спросил: что с ногой? А врач говорит: мы решили побороться за вашу ногу. Это во время войны, когда раненых — многие тысячи, миллионы! И я, рядовой солдатик, истекающий кровью, скелет, одни косточки. «Решили побороться за вашу ногу...» Ну каково? И ведь ногу-то спасли.

В. К. Да, это потрясающе.

В. Р. Это было во Владивостоке, а потом перевезли меня в Казань. Другой врач, женщина, спрашивает: чего бы вы хотели? Пить хотите? Я говорю: да. Врач обрадовалась: раз есть желание, значит, сохранилась страсть к жизни. А есть хотите? Да. Она воскликнула даже: это хороший признак! А чего вы хотите? Не теряя чувства юмора, я сказал, что хочу пирожки с мясом и компот. Это означало пожелать совершенно невозможное. Но знаете, утром она принесла мне компот и пирожки с мясом. Уж где она их достала, чего это ей стоило! Врач, совершенно мне раньше неведомый. Ну что это, объясните?

Нет, я столько добрых людей встречал, столько помощи оказывали мне в тяжелых обстоятельствах... А у меня много было тяжелых обстоятельств. Я, например, жил в квартире коммунальной, где двенадцать комнат в коридоре, народу набито битком, один умывальник, туалет один тоже. Все это вроде бы ужасно, но эти 23 года, что я прожил в той квартире, это годы очень счастливые. Потому что рядом были хорошие люди. И хотя кто только там не был — и уборщица в каком-то учреждении, и судюшка в столовой, и учительница, кинорежиссер, авиаконструктор... Какая смесь племен, варечий, сословий! Но, вы знаете, за 23 года в этом общественном коридоре, где керосинки, горшки, ведра, чайники, не произошло, кажется, ни одной ссоры.